

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ЭКРАНИЗАЦИЯ

У каждого свой «Географ»

Российская прокатная премьера фильма «Географ глобус пропил» состоялась в Перми в рамках «Пространства режиссур»

Юлия Баталина

Вообще-то «Пространство режиссур» — театральный фестиваль. Однако в этом году визуализация романа Алексея Иванова «Географ глобус пропил» стала сюжетообразующим компонентом этого самого «Пространства...», поэтому старт российского проката одноимённого фильма произошёл очень кстати. Организаторам фестиваля удалось устроить первый показ на день раньше, чем в Москве, — на его закрытии 19 октября.

ФОТО KINOPROISK.RU

Kинопремьере предшествовал показ двух театральных версий «Географа...» — Омского драматического «Пятого театра» и Пермского академического Театра-Театра. В каждой из трёх версий — свои находки. Публика тепло приняла инсценировки романа Алексея Иванова.

Спектакль из Омска, поставленный режиссёром Максимом Кальсиным, идёт почти четыре часа, но смотрится на одном дыхании. Зал смеётся, аплодирует. При всех особенностях в нём много общего с версией режиссёра Елены Невежиной, идущей в Перми, в первую очередь — ностальгический оттенок: для этих режиссёров время действия — 1990-е годы — важно не только как существенная деталь антуража романа Иванова, но и как время собственной юности, поэтому они оба с таким удовольствием вставили в спектакли много музыки 1990-х.

В фильме время действия перенесено в наши дни. Это вообще кино про «здесь и сейчас»: действие происходит в очень конкретной, узнаваемой Перми, поэтому символично и правильно, что именно здесь прошла российская премьера.

Конечно, пермская публика во время сеанса начинала активно шушукаться, когда на Водниках вдруг появлялся кусочек Висима или трамвайная линия, которой там нет, но в целом образ Перми —

узнаваемый и адекватный, не обидный, но и не приукрашенный. Режиссёр Александр Велединский счастливо избежал соблазна превратить Пермь в город гопников и депрессивных окраин, несмотря на то что герои ведут вовсе не богатую и не слишком благополучную жизнь.

Перенос действия в наши дни усилил ощущение неустроенности жизни главного героя. Если в 1990-е многие — да почти все! — с трудом перебивались, выкравая деньги на самое необходимое, то сейчас картина другая — и нищета учительской семьи выглядит просто вопиюще.

Постановщик фильма считает, что помещение действия картины в начало XXI века — это не перенос во времени, а избавление от временных рамок.

Александр Велединский, режиссёр-постановщик фильма «Географ глобус пропил»:

— В России всегда нелегко и всегда интересно. Поэтому — такой герой. Роман Алексея Иванова — в традициях «золотого века» русской литературы, он написан в чеховской тональности. Мы вспоминаем героев русской классики, «лиших людей», в первую очередь Обломова, конечно. Многие сравнивают его с героями кино 1970-х годов, с «Полётами во все и наяву» Балаяна. Время действия не важно, важен архетип. Этот фильм не про время, он вне времени, и роман, мне кажется, тоже.

Однако временной «лаг» сказался и на герое: по сравнению с романом и его сценическими версиями Виктор Служкин сильно повзрослев. В романе и в театре он лет на семь старше своих учеников, он лишь учится быть взрослым, у него не прошла юношеская дурашливость, роль отца семейства и мудрого наставника ему великовата, отсюда — многие трудности и проблемы, как с учениками, так и в личной жизни. В кино Служкин — уставший от жизни 40-летний мужик с кризисом среднего возраста.

Авторы фильма придумали главному герою биографию, достаточно подробно описав трудовой путь, который привёл его к работе в школе. Жена Служкина Надя из сокурсницы превратилась в бывшую ученицу. В этом контексте его застарелый пофигизм воспринимается совсем иначе.

Разительные перемены произошли с лучшим другом Служкина Будкиным. Во-первых, он обзавёлся именем — в фильме его назвали Максимом. Кстати, театральный Будкин тоже не остался безымянным, как в романе: в омской версии «Географа» он Павел. Но для пермских зрителей гораздо интереснее, что Будкин сменил профессию: из бойкого торговца (что приносило благополучие в 1990-е) он превратился в помощника депутата, курирующего, к тому же, сферу культуры. Что ж, будкины, в отличие от служкиных, в любую эпоху знают, как и где устроить-

ся. На день рождения он дарит Служкину альбом-каталог паблик-арта музея PERMM — можно себе представить, как это повеселило Алексея Иванова.

Подобные появления пермских феноменов на экране, моменты узнавания очень скрасили просмотр для пермяков. Первым на экране появляется попрошайка из электрички, распевающий «Я свободен» Кипелова, — все, кто ездит на дачи с Перми II, отлично знают этого персонажа. Затем в вагон заходит увесистый контролёр, в котором пермские театралы без труда узнают актёра «Сцены-Молота» Дмитрия Тронина. Директором школы, куда устраивается работать Служкин, оказывается заместитель директора колледжа искусства Виктор Узун... Первое место, в котором оказывается Служкин в Перми, — это набережная, а на ней надпись «Счастье за горами». Отъезжает припаркованная «Газель» — и оказывается, что «Счастье не за горами». Очень многозначительно.

Вообще, пермская, уральская фактура буквально очаровала Александра Велединского и операторов фильма. Понятно, что благодаря походу, в который отправились учитель с детьми, удалось показать уральскую природу во всём её великолепии, но и городская натура сделана очень красиво. Убогая обстановка полузастроенной деревни — бывшего заводского посёлка — подана загадочно, даже мистически. Много раз, в разное время года в кадре появляется вид со служкинского балкона — Кама, корабли в затоне, домики «частного сектора», окружённые зеленью...

Многие пермяки, занятые в массовках и камео, обижаются на Велединского за то, что он их вырезал при монтаже. Но многие и остались.

Отлично выглядят в общем актёрском составе пермяки Илья Ильиных (студент Пермской академии искусства и культуры, сыгравший Овечкина) и Андрей Прятков (школьник, сыгравший Градусова). Оба играют гораздо лучше, чем московская красавица Анфиса Чёрных (исполнительница роли Маши Большаковой).

Объясняясь в любви своему учителю, она говорит совершенно ровно — не покраснеет, не запнётся, как по писаному говорит. Оператор на протяжении всей этой сцены выдерживает аккуратный средний план, показывая Машу в профиль, не сосредоточивается на лице, потому что передать мимикой душевные движения актрисы не способна. Зато Анфиса Чёрных собой весьма хороша. Умный Константин Хабенский очень тонко на неё реагирует, стараясь не создавать контраста, выдерживая диалог так, что вся эмоциональность — внутри, не напоказ.

По сравнению с театральными версиями, особенно с омской, которая словно сделана для ТЮЗа, в кино довольно много «чернухи», фильм вряд ли предназначен для ровесников служкинских учеников. Но при этом он стопроцентно позитивный, со спокойным, светлым, обнадёживающим финалом. ■